

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.5+355

DOI 10.26456/vthistory/2022.1.028–043

ВОЕННАЯ РЕФОРМА 1924–1928 ГГ. В СССР¹

М.Ю. Мухин

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются основные аспекты реформирования вооружённых сил СССР в 1924–1928 гг. При этом в фокусе внимание находятся не столько сугубо военные вопросы, сколько влияние армейских преобразований на социально-политическую сферу. Армия в те годы выступала как один из инструментов борьбы с безграмотностью и как разновидность «социального лифта». Военные структуры обеспечивали увольняемым в запас красноармейцам повышенные шансы на карьерный рост в гражданской сфере, и в то же время готовили кадры для усиления влияния советской власти в сельских районах, а в перспективе – для массовой коллективизации. Без преувеличения можно сказать, что социально-политическое значение военной реформы 1924–1928 гг. было никак не менее важным, чем её же роль в укреплении обороноспособности СССР.

Ключевые слова: военная реформа, социальная история, история НЭПа, история вооружённых сил, М.В. Фрунзе, история РККА.

В настоящий момент наш мир переживает период очередного обострения международной напряжённости, что естественным образом повышает роль и значение в обществе вооружённых сил. В этом свете нам представляется весьма своевременным и актуальным вновь, с учётом последних достижений историографии, взглянуть на опыт военных преобразований в СССР в 1924–1928 гг., и оценить их значение для отечественного социума и политикума.

Историография проблемы. Изучение сюжетов, связанных с преобразованием РККА в период НЭПа, началось в СССР уже в начале 1950-х годов. Разумеется, отдельные статьи, посвящённые тем или иным аспектам этой реформы, публиковались и ранее, но в послевоенное десятилетие эта тематика впервые стала предметом исследования крупных монографических работ. По иронии судьбы, за эту тему практически одновременно взялись два исследователя – Н.В. Афанасьев и И.Б. Берхин,

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

почти синхронно защитившие по этой тематике диссертации в 1953 и 1954 гг. В 1953 г. Н.В. Афанасьев опубликовал свою монографию, подготовленную на базе диссертации². Соответствующая работа И.Б. Берхина задержалась до 1958 г.³, однако именно это исследование и стало своеобразным базисом, определившим ведущие тенденции советской историографии в отношении рассматриваемых сюжетов в целом.

В историографии на текущий момент соседствуют два подхода к определению хронологических рамок реформы. Очевидно, что юридически реформа была, в основных своих чертах, оформлена принятием 18 сентября 1925 г. «Закона об обязательной военной службе», поэтому И.Б. Берхин ограничивает собственно военную реформу периодом 1924–1925 гг. С другой стороны, в 1925 г. процесс реформирования Красной Армии явно не прекратился, поэтому Н.В. Афанасьев предлагал в этом контексте рассматривать развитие РККА на протяжении 1924–1928 годов. Именно эта, последняя, точка зрения распространена среди историков в наибольшей степени в настоящее время.

Подавляющее большинство исследований по данной тематике в последующие годы так или иначе опирались в качестве исходного пункта своих изысканий именно на монографию Берхина. Работа Афанасьева оставила в историографии куда менее заметный след. С другой стороны, надо признать, что книга Берхина, в известном смысле «закрыла тему». После её опубликования военная реформа Фрунзе на определённый период перестала рассматриваться в качестве основного предмета исследования не только в монографическом формате, но даже и в статьях. Проблемы проведения этой реформы могли рассматриваться, наряду с другими сюжетами, в работах, посвящённых партийному руководству армией, истории тех или иных военных округов, развитию тыла РККА, но всякий раз проблематика военной реформы так или иначе оттеснялась на третий-четвёртый планы исследования. Вторично интерес к вопросам преобразования армии в годы НЭПа возрос уже в период Перестройки⁴, причём, как и для значительной части «перестроечной» историографии, для работ по истории военной реформы Фрунзе была характерна некоторая политическая ангажированность, попытка привнести в академическое исследование элементы «политики, опрокинутой в прошлое». К сожалению, в дальнейшем интерес к этой тематике вновь угас, и в постсоветский период отдельным аспектам военной ре-

² Афанасьев Н.В. Военная реформа 1924–1928 годов. Л., 1953.

³ Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.). М., 1958.

⁴ Ващенко П. Ф., Рунов В. А. Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С.33–40.; Осмачко С.Г. Военная реформа в СССР (1924–1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки. Ярославль, 1991.; Дайнес В. О. От Гражданской войны к миру (Красная армия в 1920–1930 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 2–10.

формы 1920-х годов было посвящено буквально считанное количество статей. С другой стороны, нельзя не отметить публикацию в последние года сборников документов, специально посвящённых проблематике военной реформы периода НЭПа⁵, что позволяет судить о возрождении интереса отечественных исследователей к данным сюжетам.

В зарубежной историографии сюжеты, связанные с реформой Красной Армии в 1920-х годах, как правило рассматривались или в контексте биографии Фрунзе⁶, или как составная часть исследования по истории РККА вообще⁷. Если отечественные исследователи, как правило, при изучении военной реформы 1920-х годов, сосредотачивали своё внимание на проблемах перехода на смешанный принцип строительства, введения единоначалия, создания национальных частей, перестройки системы подготовки командного состава, то для исследователей зарубежных картина научных интересов приобретает зеркальный характер. Конкретные составляющие компоненты военной реформы, как правило, в трудах иностранных коллег отходили на второй план, а в фокусе научного внимания оказывались сюжеты, связанные с внутрипартийной борьбой. При таком ракурсе едва ли не важнейшей причиной начала преобразований в военной сфере выглядит стремление «триумвирата» Сталин – Каменев – Зиновьев ослабить влияние Троцкого на РККА. Лишь в годы Перестройки наметилось определённое сближение подходов российских и зарубежных коллег к изучению сюжетов военной реформы 1920-х годов⁸.

Судя по всему, детальное и комплексное исследование данной проблематики на новом уровне развития историографии, с привлечением вновь открывшихся исторических источников – дело будущего.

Поиск оптимальных решений. Завершение Гражданской войны поставило на повестку дня вопрос о необходимости существенного сокращения вооружённых сил советской республики. К концу 1920 г. РККА насчитывала в своих рядах 5,5 млн. чел., из которых 83,4 % при-

⁵ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2 кн. М.; СПб., 2006; Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007.

⁶ См., например, Jacobs W. *Frunze: The Soviet Clausewitz. 1885-1925*. Hauge, 1989.

⁷ Wollenberg E. *The Red Army*. London, 1959; Fedotoff-White D. *The Growth of the Red Army*. Princeton, 1964; Makintosh M. Juggernaut. *A history of the Soviet Armed Forces*. London, 1967; Erikson J. *The Soviet High Command: Military Political History. 1918-1941*. London, 1973; Gosztony P. *Die Rote Armee*. Wien, 1977; Scott W., Scott H. *The Armed Forces of the USSR*. London, 1984; и мн. др.

⁸ Hagen von M. *Soldiers of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State? 1917–1930* / Ithaca (NY): Cornell University Press, 1990; Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 53–60; Ненароков А.П., Наумов О.В. Глазами американского историка // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 60–66.

ходило на мобилизованных, и 16,6 % составляли добровольцы⁹. Экономика страны была попросту не в состоянии и дальше обеспечивать снабжение многомиллионной РККА хотя бы на минимальном уровне. Скажем, в ноябре 1920 г. Контрольная комиссия труда и здравоохранения Военно-морской инспекции РВСР, проводившая обследование санитарного состояния частей 2-й армии, дислоцированных в Воронеже, отмечала, что «мебели нет совершенно, столовых нет. Помещения полутёмные, освещаются коптилками... Электроосвещение не функционирует из-за отсутствия лампочек... отопление почти отсутствует. Дрова доставляются только для варки пищи и топки бань. Для топки казарм приносятся красноармейцами в 6-7 вёрст вязанками. Были случаи, когда красноармейцы не получали горячей пищи. Недостаёт мыла, белья»¹⁰. В отдельных частях нехватка белья составляла 70%, обмундирования – 81%, обуви – 60 %. В запасных частях нехватка вооружений могла доходить до уровня 90 %. Периодически в частях и соединениях Красной армии возникали существенные затруднения с обеспечением военнослужащих даже продовольствием. Так, в августе 1921 г. РВСР отмечал: «Начиная с июня части, даже полевые, переведены на тыловой паек, причем в этом пайке аккуратно выдается только один хлеб (1 фунт). Приварку вообще нет никакого, сахар выдается с большими переборами, вместо мяса отпускается совершенно недоброкачественная рыба, даже табак продовольственники сумели недодать... В результате такого питания в частях развиваются или массовые заболевания на почве недоедания, или самоснабжение»¹¹. В конце 1922 г. М.В. Фрунзе писал, характеризуя положение дел в предшествующий период, то есть – в 1920-21 годах: «Для характеристики минувшего периода жизни Красной Армии достаточно одной фразы: армия жила голодной, холодной, полураздетой и разутой»¹². В свете сложившейся ситуации председатель РВСР Л.Д. Троцкий видел решение проблемы в реформировании части соединений РККА в трудовые армии. Это позволило бы, с одной стороны, сократить дефицит вооружений и боеприпасов, а с другой – давало возможность (по крайней мере, теоретически) улучшить ситуацию в экономической сфере. В январе-феврале 1920 г. было создано 6 трудовых армий, однако в целом такая мера рассматривалась советским руководством как сугубо временная¹³. Дело в том, что фактически, в военной сфере требовалось решать сразу две задачи – во-первых, снизить «армейскую» нагрузку на экономику, а во-вторых – повысить боеспо-

⁹ Советские вооружённые силы: История строительства. М., 1978. С.123.

¹⁰ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 8. Д. 323. Л. 220.

¹¹ Там же. Д. 738. Л. 7.

¹² Фрунзе М.В. Собр. соч. Т. 1. М., 1929. С. 247.

¹³ КПСС и строительство Советских вооружённых сил СССР. М., 1959. С. 165.

способность РККА, которая, как показал опыт советско-польской войны, явно была обеспечена военной техникой и вооружениями не в надлежащей степени. Между тем, ставка на трудовые армии решала первую задачу в очень ограниченной степени, а к решению второй не приближала вовсе. Поэтому постепенно в руководящих кругах РККА начала кристаллизоваться концепция малочисленной, но кадровой армии, дополненной многочисленными милиционными формированиями. При этом, за счёт экономии на численности, кадровую армию было бы возможно технически модернизировать. Уже 1 декабря 1920 г. в Реввоенсовет был представлен доклад начальника Полевого штаба РВСР П.П. Лебедева о сокращении численности РККА с 5,3 до 3,3 млн. человек. 29 декабря 1920 г. VIII Съезд Советов заслушал доклад РВСР, и санкционировал осуществление поэтапной демобилизации армии. При этом масштабы фактического сокращения вооружённых сил была куда больше предложений Лебедева. Уже к декабрю 1921 г. численность армии и флота Советской России снизилась до 1,6 млн. чел., к октябрю 1923 г. она составила порядка 800 тыс. чел., а к февралю 1923 г. – около 600 тыс. человек. В РККА числилось 57 дивизий, причём при официально утверждённых штатах в 6-8 тыс. чел., фактически в дивизиях насчитывалось по 4-5 тыс. военнослужащих¹⁴. В первую очередь сокращались тылы, вспомогательные части и учреждения, а также стрелковые и кавалерийские соединения. В результате к началу 1922 г. по сравнению с началом 1921 г. удельный вес в РККА авиации и артиллерии возрос вдвое, а инженерных войск и войск связи – в полтора раза¹⁵. На конец 1924 г. в РККА состояло 562 тыс. чел., и в дальнейшем, на протяжении всех 1920-х годов, численность вооружённых сил СССР колебалась вокруг отметки «600 тыс. человек». В вопросе сокращения численности РККА был и ещё один важный аспект. С точки зрения советского руководства, критически-важным было сохранение партийного контроля над вооружёнными силами. Между тем, окончание Гражданской войны вызвало массовый отток коммунистов из рядов РККА. Всего за 1920–1921 г. демобилизовалось около 200 тыс. членов РКП(б), в результате чего удельный вес большевиков в Красной армии сократился с 8 до 4,7%, то есть – почти вдвое. К концу 1921 г. в РККА насчитывалось всего 73 тыс. партийцев, что было вчетверо меньше показателей 1920 г.¹⁶ Это вынудило X съезд РКП(б) обратить особое внимание на укрепление партийной прослойки в армейских рядах. Официально провозглашался курс на возвращение в армию большевиков, покинувших

¹⁴ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2 кн. Кн. 1. М.; СПб., 2006. С. 387.

¹⁵ На службе в Красной армии: док. и материалы. Чебоксары, 1991. С. 203.

¹⁶ Петров Ю.П. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии (1921–1940 гг.). М., 1954. С. 122,136.

ряды РККА по тем или иным причинам. Но на практике куда важнее оказался дифференцированный подход в ходе сокращения армии. Партийцев теперь старались увольнять в запас в последнюю очередь, поэтому, хотя абсолютное количество коммунистов в армии продолжало снижаться, их удельный вес начал стремительно увеличиваться. К началу 1924 г. численность членов партии в рядах Красной Армии составила 52 тыс. чел., то есть около 70 % от уровня 1921 г., но удельный вес коммунистической прослойки в РККА при этом, наоборот, возрос до 10, а среди командного состава – до 31%¹⁷.

Помимо проблемы снижения численности армии, съезд обсудил вопрос о переходе к милиционной системе, благодаря которой, как предполагалось, «... трудящиеся получают необходимую военную подготовку с наименьшим отвлечением от производительного труда»¹⁸. В ходе этого обсуждения высказывались мнения о том, что кадровая армия, собственно, и не нужна, и именно милиционные (или, как их стали называть позднее – территориальные) формирования и должны стать основой обороноспособности страны. Однако против такой постановки вопроса решительно выступил Ленин, утверждавший, что «Мы рассчитываем, что громадный опыт, который за время войны приобрела Красная армия и ее руководители, поможет нам улучшить теперь ее качество. И мы добьемся того, что при сокращении армии мы сохраним такое основное ядро ее, которое не будет возлагать непомерной тяжести на республику в смысле содержания, и в то же время при уменьшенном количестве армии мы лучше, чем прежде, обеспечим возможность в случае нужды снова поставить на ноги и мобилизовать еще большую военную силу»¹⁹. Среди военных эту точку наиболее активно отстаивал М.В. Фрунзе, писавший, что «Выход мы находим в сочетании кадровой армии с милиционной системой. Наличие территориально-милиционных формирований позволяет нам увеличить количество пропускаемого через ряды нашей армии контингента ... эта система допускает несение военной службы без длительного отрыва от хозяйства. Другого выхода при данных условиях и численности наших мирных кадров у нас нет и быть не может»²⁰. Таким образом, генеральный курс преобразований вооружённых сил был вчерне определён. Теперь дело было за конкретным воплощением этого курса в жизнь.

Между тем, ситуация в военной сфере продолжала оставаться тревожной. В июне 1923 г. ЦК РКП (б) поручил специальной военной ко-

¹⁷ История Второй мировой войны. 1939–1945: в 12 томах. Т.1. М., 1973. С. 250.

¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. 1. С. 501.

¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т.42. М., 1970. С. 130–131.

²⁰ Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1984. С. 220–221.

миссии под председательством В.В. Куйбышева²¹ обследовать положение дел в РККА, и, надо признать, результаты этой инспекции были безрадостны. Обследовав Западный, Украинский, Московский и Северо-Кавказский военные округа, комиссия пришла к выводу, что ввиду хронического некомплекта оружия и снаряжения, неудовлетворительной постановки обучения, а главное – из-за огромного некомплекта переменного и постоянного командного состава, который в некоторых частях доходил до 50 %, «Красная армия боеспособной силы не представляет»²². В феврале 1924 г. выводы комиссии были рассмотрены на пленуме ЦК РКП(б), который, по результатам дискуссии, был вынужден констатировать: «Красной армии, как организованной, обученной, политиковоспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своём виде Красная армия небоеспособна»²³. Очевидно, что, хотя с 1921 по 1924 г. РККА сократилась в 9 раз, снизив численность до 600 тыс. чел., сугубо механическое сокращение штатов решить проблему не могло. Необходимость кардинальной реформы в военной сфере стала очевидной и неоспоримой.

Осуществление военной реформы. 8 августа 1923 г. был издан декрет ЦИК и СНК СССР «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся», в котором определялись порядок организации территориальных частей и прохождения службы призывников в таких частях. В отличие от кадровых частей, личный состав частей территориальных делился на состав постоянный (кадры), который проходил службу, фактически, как и в частях кадровых (то есть на регулярной основе) и на состав переменный, который служил не постоянно, а лишь периодически призываясь на сборы²⁴. Таким образом, новый порядок прохождения военной службы предусматривал три основные формы:

1. действительную службу в кадровых частях сроком, в зависимости от рода войск, 2-4 года с последующим состоянием в долгосрочном отпуске (1-3 года).

2. действительную службу в переменном составе территориальных войск на протяжении 5 лет в форме ежегодных учебных сборов общей продолжительностью 8-12 месяцев за пятилетие; в остальное время – трудовая деятельность по месту жительства.

3. службу вневойсковым порядком, т.е. обучение военному делу по месту жительства в виде прохождения учебных сборов общей продолжительностью 6 месяцев за пятилетие.

²¹ Впоследствии комиссию возглавил С.И. Гусев

²² РГВА. Ф.10. Оп.1. Д.218. Л.30

²³ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 89.

²⁴ Тельпуховский Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР. Окт. 1917–1982 гг. М., 1983. С. 94.

Формально служба в территориальных формированиях занимала больше времени, чем в регулярных – 5 лет против 2²⁵. Однако из 60 месяцев общего времени действительной службы красноармеец территориальной части фактически на службе проводил не более 12. Важно отметить, что руководство СССР придавало организации территориальных частей ещё и большое политическое значение. Так, например, XIII съезд РКП(б) в резолюции по отчёту ЦК отметил: «Расширение милиционного строительства открывает новые пути для работы партии в деревне и укрепления в ней советского влияния. Территориальные формирования, включающие в свой состав исключительно маломощные и середняцкие слои деревни, могут и должны стать одним из отправных пунктов объединения и просвещения этих последних, а также содействия хозяйственному и культурному строительству деревни. В тех районах, где существуют территориальные части, их кадры должны быть использованы в качестве новой формы связи Советского государства и партии с крестьянством. Для этого должна быть обеспечена организационная связь территориальных кадров с местными органами власти и партийными организациями наряду с укреплением терчастей партийными силами»²⁶. По состоянию дел на конец 1924 г. по данным Управления РККА на 30 кадровых стрелковых дивизий приходилось 57 территориальных (в том числе – 14 кадровых третьей очереди, содержащихся по штату в 202 человека, ввиду чего «кадровыми» их можно было считать исключительно условно)²⁷. Однако на практике процесс формирования территориальных частей тормозился всё ещё не до конца урегулированным вопросом о порядке комплектования РККА в целом.

18 сентября 1925 г. был принят «Закон об обязательной военной службе», официально утвердивший новый порядок комплектования Красной армии. Это позволило форсировать процесс создания территориальных частей. К 1 апреля 1926 г. в РККА числились следующие территориальные части и соединения: 49 стрелковых дивизий, 3 отдельных стрелковых полка, 2 кавалерийские дивизии, 1 полк бронепоездов. Это составляло приблизительно две трети всех частей и соединений РККА на тот момент. Личный состав этих частей и соединений насчитывал 98081 чел. кадрового и 563853 чел. переменного состава²⁸. К 1928 г. территориальные формирования составили около 60 % стрелковых и 12 % кавалерийских соединений РККА²⁹. Такое превалирование терри-

²⁵ Два года служила основная масса красноармейцев кадровых частей, однако в ВВС срок службы составлял 3 года, а в РККФ – 4.

²⁶ Цит. по: *Фрунзе М.В.*: Военная и политическая деятельность. М., 1984. С. 198–199.

²⁷ Реформа в Красной Армии. Кн. 1. С. 265.

²⁸ *Осьмачко С.Г.* Указ. соч. С. 11.

²⁹ *Золотарев В.А.* Военная история России М., 2001. С. 612.

ториальных частей позволило существенно снизить «военную» нагрузку на бюджет СССР. Достаточно будет отметить, что содержание одного красноармейца в 1924–1926 гг. в среднем обходилось в кадровых частях 535 руб., а в территориальных – 291 рубль³⁰. Важно отметить, что сам Фрунзе, по крайней мере, официально, рассматривал эффективность кадровой и территориальной дивизии в случае войны как приблизительно эквивалентные: «Наша кадровая дивизия имеет лишь 34 % состава военного времени и при развертывании примет 70 % призванных из запаса по мобилизации. Кадр территориальной дивизии равняется 16 % ее штатного состава, рассчитанного по военному времени, но зато она будет иметь весь остальной состав, обученный в течение 5–8 месяцев, органически связанный со своими частями. Командный состав кадровой дивизии составляет всего 41 % военного времени, а территориальной 51 %. На основании приведенных данных можно с определенностью сказать, что боевые признаки той и другой организации уравниваются»³¹. Следует учитывать, что территориальные дивизии различались между собой соотношением кадрового и переменного состава, что вело к подразделению таких соединений на четыре основные категории.

Таблица 1

**Соотношение кадрового и переменного состава
в территориальных дивизиях различных категорий**³²

Категория территориальной дивизии	Кадрового состава, чел.	Переменного состава, чел.
Первоочередная	2400	10681
Второочередная, при кадровой дивизии	604	11750
Второочередная, при первоочередной территориальной дивизии	622	11734
Ячейка территориальной дивизии	190	-

Советское командование признавало, что самостоятельно решать боевые задачи способны лишь первоочередные тердивизии. Таким образом, из существовавших на весну 1925 г. 46 тердивизий, лишь 28 первоочередных представляли собой хотя бы теоретически боеготовые соединения.

Выше упоминался «Закон об обязательной военной службе». Надо отметить, что помимо утверждения нового порядка комплектования армии, этот закон определял ещё и социальные группы граждан СССР,

³⁰ Фрунзе М.В. Указ. соч. С. 197.

³¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. Л. 155.

³² Берхин И.Б. Указ. соч. С. 98–99.

официально лишённые права служить в РККА. Оборона СССР с оружием в руках рассматривалась как дело только и исключительно трудящихся. Представители политически неблагонадёжных социальных групп лишались как избирательных прав, так и права на службу в Красной Армии. К т. н. «лишенцам» относились граждане, имевшие доходы с имущества, частные торговцы, служители различных религиозных культов, бывшие полицейские и т.д.³³ Синхронно с призывом полноценных граждан СССР на военную службу, их сверстники из числа «лишенцев» ставились на особый воинский учёт. Предполагалось, что в случае войны их зачислят в тыловое ополчение, а в мирное время на «лишенцев» налагался особый военный налог.

Кроме того, страна, прошедшая через горнило Гражданской войны, и не до конца преодолевшая последствия чудовищного голода 1921 г., не могла похвастаться отменным здоровьем населения, что так же влияло на обстоятельства призыва. Скажем, в 1924 г. призывалось поколение 1902 г. р., при этом из 8988 призывников пяти губерний европейской части России годными к военной службе по медицинским показателям было сочтено лишь 57,4% призывников³⁴. С мест порой о поступающих в части призывниках отзывались совсем безрадостно: «Прибывшие 10–11 мая красноармейцы-переменники для отбывания 3-месячных сборов находятся в плохом физическом состоянии (70 % пришедших из сел совершенно истощены). Отдельные красноармейцы 30 километров от села до лагерей едва могли пройти в течение 3-х дней»³⁵. При этом нельзя сказать, что истощённые призывники, попадая в армию, могли рассчитывать на улучшение условий своей жизни. Выше мы отмечали, что Фрунзе характеризовал повседневность РККА в 1920–1921 гг. как «холодную и голодную», но и в последующие годы ситуация улучшалась очень медленно. Так, по состоянию дел на 1924 г. калорийность пайка военнослужащего составляла 3099 калорий³⁶. При этом, по данным Главного санитарного управления РККА, средняя норма питания российского крестьянства в тот год составляла 4053 калории³⁷. В этой связи не вызывает удивления достаточно частые случаи членовредительства и дезертирства красноармейцев в те годы... К середине 1920-х годов, по мере улучшения ситуации в экономике (а значит – и положения дел со снабжением РККА всем необходимым) дезертирство переменного состава терчестей мало-помалу сошло на нет, зато резко вы-

³³ См. подробнее: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.

³⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 21. Л. 610.

³⁵ Там же. Оп. 29. Д. 14. Л. 197.

³⁶ *Завгородний А.Ф.* Деятельность депутатов трудящихся по укреплению Красной Армии в 1921–1928 годы: учеб. пособие. СПб., 1992. С. 35.

³⁷ РГВА. Ф. 34. Оп. 3. Д. 55. Л. 256.

росло количество так называемых «кратковременных отлучек». Как правило, территориальные формирования дислоцировались в тех же областях (губерниях), где проживала основная масса призывников. Так как львиная доля красноармейцев состояла из крестьян, они не видели ничего дурного в том, чтобы на неделю-другую покинуть казарму, помочь родным по хозяйству, а затем – вернуться. С учётом того, что обычно в первый год сбор занимал 3 месяца, во второй – 2 месяца, а в дальнейшем сборы продолжались около месяца каждый год³⁸, такая отлучка на пару недель попросту превращала в фикцию саму идею учебных сборов. Поэтому, хотя под категорию «дезертирство» такая отлучка не попадала, качество обучения бойцов терформирований от этих отлучек страдало весьма серьёзно. Надо отметить, что проблема здоровья призывников оставалась достаточно актуальной и в середине 1920-х годов.

Таблица 2

**Результаты медицинского освидетельствования
призывов в РККА 1925-1927 гг., %³⁹**

Год	«Безусловно годные»	«Безусловно негодные»
1925	51,98	14,03
1926	46,55	15,79
1927	42,92	16,36

В целом, в 1920-е – первую половину 1930-х гг. смешанная система комплектования, базирующаяся на сочетании кадровых и территориально-милиционных формирований, себя вполне оправдывала. Во-первых, она обеспечивала значительный по размерам мобилизационный базис на случай большой войны, гарантируя, хотя бы в минимальной степени, военную подготовку практически всего годного к призыву контингента. Во-вторых, она позволяла существенно снизить нагрузку на экономику за счёт экономии финансовых средств и материальных ресурсов. В то же время следует учитывать, что территориальные части и соединения обладали сравнительно немногочисленным постоянным кадровым составом, что ставило под вопрос реальную боевую устойчивость таких формирований в случае военных действий; дислокация территориальных соединений диктовалась преимущественно экономическими и демографическими факторами, что нередко вступало в противоречие с соображениями оперативно-стратегического характера; наконец, территориальные формирования практически не давали своим бойцам возможности овладения сложной боевой техникой. Эти причины привели к тому, что уже в первой половине 1930-х годов советское ру-

³⁸ Берхин И.Б. Указ. соч. С. 102.

³⁹ Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг.: в 2 кн. Кн. 2. М.; СПб., 2006. С. 270–271.

ководство начало, шаг за шагом, снижать удельный вес территориальных соединений в РККА, и, соответственно – повышать долю соединений кадровых. В результате к 1935 г. 77 % всех соединений Красной Армии были уже кадровыми.

Социально-политические аспекты реформы. Надо отметить, что прошедшая в 1920-е годы военная реформа, наряду с сугубо оборонными задачами, была призвана решить ещё и целый комплекс проблем социально-политических. Одной из таких крайне острых проблем был вопрос образовательного уровня основной массы призывников. Как уже говорилось выше, одной из задач военной реформы было существенное повышение уровня оснащённости РККА новейшими видами вооружений. Между тем, было очевидно, что для службы не то что в бронетанковых войсках или авиации, но даже и в таких традиционных родах войск, как артиллерия и войска связи, требовались новобранцы с уже имеющейся определённой технической грамотностью. В стрелковых частях с 1924 г. проводился курс на «машинизацию пехоты» – то есть насыщение пехотных частей пулемётами. По крайней мере, по утверждённым штатам, планировалось в каждый взвод ввести по 1 станковому и 1 «лёгкому» (ручному) пулемёту⁴⁰. Разумеется, это так же требовало существенно нарастить образовательный уровень красноармейцев, так как обслуживание пулемёта было явно сложнее аналогичного обслуживания винтовки-трёхлинейки, а количество пулемётчиков по новым штатам должно было существенно возрасти. К сожалению, на тот момент для советской армии образовательный уровень призывников был весьма невысок. Проблема была даже не в недостатке технических знаний, а в значительном количестве функционально неграмотных новобранцев. Удельный вес неграмотных призывников год от года снижался, но продолжал оставаться достаточно значительным.

Таблица 3

**Удельный вес неграмотных призывников
в зависимости от года рождения⁴¹**

Год рождения призывников	Удельный вес неграмотных, %
1902	19,4
1903	12,4
1904	8,4
1905	10,4
1906	7,7

⁴⁰ Там же, Кн.1. С.248, 263.

⁴¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 29. Д. 12. Л. 252–253.

Однако следует учитывать, что при таком подходе грамотные и малограмотные (то есть, читавшие, фактически, по слогам) смешивались воедино, поэтому на деле положение с образовательным уровнем призывников было ещё хуже. Неслучайно одним из важнейших аспектов обучения в РККА в те годы стала именно борьба с безграмотностью и малограмотностью. 8 августа 1924 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «О ликвидации неграмотности среди призывников и красноармейцев переменного состава терчастей», которое требовало установить тесное взаимодействие в этом вопросе между РВС СССР, республиканскими наркоматами просвещения, местными органами советской власти и военными структурами. В частях была введена официальная должность учителя, возглавлявшего повседневное руководство общеобразовательной подготовкой. Неграмотные в каждой роте сводились для обучения письму в отдельные группы по 20–25 человек, причём обучение грамоте, согласно приказу Политуправления РККА № 64 от 9 января 1925 г., должно было быть завершено в течение зимы первого года обучения⁴². Всего с 1919 по 1928 г. в рядах РККА неграмотность была ликвидирована у 555 500 человек. Кроме того, нельзя забывать, что в 1920-е гг. армия совмещала обучение призывников грамоте в исходном значении этого слова (умение читать и писать) с грамотностью политической. Наличие в частях различных клубов, кружков, библиотек, «ленинских уголков» и т.п. вело к тому, что увольняемые в запас красноармейцы выгодно выделялись на фоне преимущественно аполитичных и малообразованных крестьян. Поэтому именно демобилизованные красноармейцы за счёт общекультурного превосходства легко делали карьеру, занимая руководящие посты на местах. Наконец, именно через армию в те годы было куда проще вступить в партию, что так же было немаловажно с точки зрения дальнейшей карьеры. Скажем, при призыве новобранцев 1902 г.р., в Красную армию пришло 4,5 тыс. членов РКП(б) и 20 тыс. комсомольцев. В 1926 г., когда началось увольнение в запас красноармейцев этого призыва, было демобилизовано 19 432 коммуниста и 49 739 комсомольцев, то есть число партийцев увеличилось вчетверо, а комсомольцев – в 2,5 раза⁴³. С 1927 г. в РККА началась целевая подготовка «массовых колхозных кадров». Всего, к началу массовой коллективизации в 1929 г., на специальных курсах в Красной армии было подготовлено 171 тыс. специалистов, в том числе – 32 тыс. советских и 37 тыс. торгово-кооперативных работников, 12,4 тыс. трактористов и 11 тыс. милиционеров⁴⁴. Таким образом, РККА, наряду с другими функциями, в 1920-е гг. выступала как важный эле-

⁴² Бушуева Т.С. Общественные настроения в Красной армии. 1920-е – 1934 г. М., 2020. С. 106.

⁴³ Красная Звезда. 1927. 24 февраля.

⁴⁴ Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933. М., 2010.

мент «социального лифта», обеспечивая СССР политически лояльными и хотя бы относительно образованными кадрами.

Подводя итог, следует признать, что военная реформа 1924–1928 гг. стала одним из важнейших составных элементов политики НЭПа в целом. Помимо собственно оборонных задач, эта реформа дала свои проекции ещё на целый ряд сфер внутривнутриполитической жизни СССР. Сокращение вооружённых сил с 5 миллионов до 600 тыс. чел. и перевод РККА на смешанную систему комплектования позволил резко снизить уровень военных расходов, что имело огромное значение для экономики страны. Армия в те годы выступала как один из инструментов борьбы с безграмотностью и как разновидность «социального лифта». Военные структуры обеспечивали увольняемым в запас красноармейцам повышенные шансы на карьерный рост в гражданской сфере, и в то же время готовили кадры для усиления влияния советской власти в сельских районах⁴⁵, а в перспективе – для массовой коллективизации. Национальные части давали возможность правительству СССР привлечь как к оборонному, так и к советскому строительству широкие слои населения национальных окраин Советского Союза, выступая, таким образом, важнейшим «приводным ремнём» проведения советской национальной политики. Без преувеличения можно сказать, что социально-политическое значение военной реформы 1924–1928 гг. было никак не менее важным, чем её же роль в укреплении обороноспособности СССР.

Список литературы:

1. *Афанасьев Н.В.* Военная реформа 1924–1928 годов. Л., 1953.
2. *Бушueva Т.С.* Общественные настроения в Красной армии. 1920-е – 1934 г. М., 2020
3. *Берхин И.Б.* Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.) М., 1958.
4. *Ващенко П. Ф., Рунов В. А.* Военная реформа в СССР // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 33–40.
5. *Дайнес В. О.* От Гражданской войны к миру (Красная армия в 1920–1930 гг.) // Военно-исторический журнал. 1992. № 10. С. 2–10.
6. *Завгородний А.Ф.* Деятельность депутатов трудящихся по укреплению Красной Армии в 1921–1928 годы: учеб. пособие. СПб., 1992
7. *Золотарев В.А.* Военная история России М., 2001.
8. *Ненароков А.П., Наумов О.В.* Глазами американского историка // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 60–66
9. *Осьмачко С.Г.* Военная реформа в СССР (1924–1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки. Ярославль, 1991.

⁴⁵ Подавляющее большинство призывников в годы НЭПа проживали в сельской местности.

10. Петров Ю.П. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии (1921–1940 гг.). М., 1954.
11. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М., 2003.
12. Тархова Н.С. Красная армия и сталинская коллективизация. 1928–1933. М., 2010.
13. Тельпуховский Б.С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР. Окт. 1917–1982 гг. М., 1983.
14. Хаген М. Армия и общество в 20-е гг. // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 53–60.
15. Erikson J. *The Soviet High Command: Military Political History. 1918–1941*. London, 1973.
16. Fedotoff-White D. *The Growth of the Red Army*. Princeton, 1964.
17. Hagen von M. *Soldiers of the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State? 1917–1930* / Ithaca (NY): Cornell University Press, 1990.
18. Gosztony P. *Die Rote Armee*. Wien, 1977.
19. Jacobs W. *Frunze: The Soviet Clausewitz. 1885–1925*. Hauge, 1989.
20. Makintosh M. *Juggernaut. A history of the Soviet Armed Forces*. London, 1967.
21. Scott W., Scott H. *The Armed Forces of the USSR*. London, 1984.
22. Wollenberg E. *The Red Army*. London, 1959.

Об авторе:

МУХИН Михаил Юрьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центр изучения Новейшей истории России и политологии, Институт Российской истории, Российская академия наук, (117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19), e-mail: mukhin@mail.ru

MILITARY REFORM 1924–1928 IN USSR

M.Yu. Mukhin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article deals with the main aspects of reforming the armed forces of the USSR in 1924–1928. At the same time, the focus is not so much on purely military issues, but on the impact of army reforms on the socio-political sphere. The army in those years acted as one of the tools to combat illiteracy and as a kind of «social lift». The military structures provided the Red Army soldiers being transferred to the reserve with increased chances for career growth in the civilian sphere, and at the same time trained personnel to strengthen the influence of Soviet power in rural are-

as, and in the future - for mass collectivization. It can be said without exaggeration that the socio-political significance of the military reform of 1924–1928. was no less important than its own role in strengthening the defense capability of the USSR.

Keywords: *Military reform, social history, history of the New Economic Policy, history of the armed forces, M.V. Frunze, history of the Red Army.*

About the author:

MUKHIN Mikhail Yurievich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Center for the Study of the Newest History of Russia and Political Science, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (117292, Russia, Moscow, Dmitri Ulyanov St., 19), e-mail: mukhin@mail.ru

References:

- Afanas'ev N.V., *Voennaja reforma 1924–1928 godov*, L., 1953.
- Bushueva T.S., *Obshhestvennye nastroyeniya v Krasnoj armii. 1920-e – 1934 g.*, M., 2020
- Berhin I.B., *Voennaja reforma v SSSR (1924–1925 gg.)*, M., 1958.
- Vashhenko P. F., Runov V. A., *Voennaja reforma v SSSR*, *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 1989, № 2, S. 33–40.
- Dajnes V. O., *Ot Grazhdanskoj vojny k miru (Krasnaja armija v 1920–1930 gg.)*, *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 1992, № 10, S. 2–10.
- Zavgorodnij A.F., *Dejatel'nost' deputatov trudjashhihsja po ukrepleniju Krasnoj Armii v 1921–1928 gody: ucheb. posobie*, SPb., 1992
- Zolotarev V.A., *Voennaja istorija Rossii*, M., 2001.
- Nenarokov A.P., Naumov O.V., *Glazami amerikanskogo istorika*, *Voenno-istoricheskij zhurnal*, 1990, № 12, S.60–66.
- Os'machko S.G., *Voennaja reforma v SSSR (1924–1928 gg.): sodержanie, znachenie i istoricheskie uroki.*, Jaroslavl', 1991.
- Petrov Ju.P., *Stroitel'stvo partijno-politicheskogo apparata Sovetskoj Armii (1921–1940 gg.)*, M., 1954.
- Smirnova T.M., *«Byvshie ljudi» Sovetskoj Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integracii. 1917–1936 gody*, M., 2003.
- Tarhova N.S., *Krasnaja armija i stalinskaja kollektivizacija. 1928–1933*, M., 2010.
- Tel'puhovskij B.S., *KPSS vo glave stroitel'stva Vooruzhennyh Sil SSSR. Okt. 1917–1982 gg.*, M., 1983.
- Hagen M., *Armija i obshhestvo v 20-e gg.*, *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 1990, № 12 S. 53–60.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021 г.